

Политика

Китайско-американские отношения на новом этапе: что впереди?

© 2011

А. Давыдов

В статье анализируются взаимоотношения между Китаем и США на протяжении последних двух с половиной лет. Автор приходит к выводу, что в результате трудных договоренностей сторонам удалось на нынешнем этапе выработать некую парадигму обоюдного поведения, позволяющую регулировать возникающие между ними проблемы и разногласия на неконфронтационной основе. При подготовке статьи автором использованы данные из опубликованных им ранее работ, а также аналитических материалов ИДВ РАН, в составлении которых он принимал участие.

Ключевые слова: Китай, США, «большая двойка», стратегические интересы, региональные и глобальные конфликты.

В июле с.г. во взаимоотношениях КНР и США отмечается знаменательная дата: ровно 40 лет назад Г. Киссинджер, помощник по национальной безопасности тогдашнего американского президента Р. Никсона совершил в качестве его спецпосланника секретную поездку в Пекин, заложив «первый камень» в фундамент последующей нормализации американско-китайских отношений и проторив путь историческому визиту Никсона в Китай в феврале 1972 года. Визиту, сам факт которого во многом способствовал последующим существенным переменам не только в отношениях между ведущими мировыми державами — КНР, США и СССР, но и во всей глобальной архитектонике.

Вспоминая то время, Киссинджер впоследствии признавался: «Мы с президентом Никсоном решили тогда попробовать пойти на взаимодействие с Китаем потому, что были уверены: создать новый порядок в мире без Китая невозможно»¹.

В вышедшей в преддверии этого своеобразного юбилея его новой книге «О Китае» Г. Киссинджер изложил свои размышления о реалиях американско-китайских связей, отметив, что «в настоящее время отношения между двумя странами прекрасны и крепки». Одновременно он признался, однако, что «некоторых трений в процессе их взаимодействия невозможно избежать». В этом «патриарх американско-китайской разрядки» абсолютно прав, хотя несколько смягчает за камуфляжной формулой «некоторых трений» суть существующих разногласий.

Давыдов Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: davydov@ifes-ras.ru.

За прошедшие 40 лет отношения США и Китая пережили значительное число «взлетов и падений», которые влияют как на состояние взаимосвязей двух стран, так и на ситуацию в мире в целом. В этом смысле не являются исключением и последние два с половиной года, на протяжении которых у власти в США находится администрация первого в их истории президента-афроамериканца, демократа Б. Обамы.

Провозгласив после прихода в Белый дом «новый курс» на китайском направлении, он не сумел, однако, поначалу адекватно оценить и осмыслить цели и намерения КНР, вытекавшие из процесса обретения ею в результате трансформаций, сопутствовавших глобальному финансово-экономическому кризису, статуса второй державы мира. Эта недооценка привела к стагнации и даже некоторому откату в отношениях обеих стран в 2010 г., что, впрочем, не оказало существенного влияния на характер и объем прежде всего их торгово-экономических связей. Упорядочению и «переналаживанию» китайско-американских контактов призван был способствовать состоявшийся в январе с.г. визит в США Председателя КНР Ху Цзиньтао.

* * *

Выступая накануне январской поездки Ху Цзиньтао в США в организованном агентством «РИА-Новости» видеомосте Москвы и Пекина на тему «Чего ждать России от китайско-американского сближения?», я осмелился утверждать, что *сближения* как такового *между КНР и США не наблюдается*, а есть нормальные отношения, которые, как и прежде, развиваются, чередуя «пики с провалами». И поэтому предложил расценивать предстоящий визит китайского лидера в Вашингтон как важный шаг на пути к восстановлению поврежденных на протяжении 2010 — кризисного для взаимоотношений двух стран года — связующих их нитей.

И теперь, спустя более полугода после визита, мне не кажется необходимым де-завуировать сказанное тогда, но с одним небольшим уточнением: сближения КНР и США в смысле «упрочения их дружественных связей» в январе 2011 г. не произошло. Но в попытках реконструкции порушенного былыми ссорами сторонам удалось вместе и порознь, заново и четче, чем в прошлом, определить контуры взаимоприемлемой конфигурации их глобальных устремлений, нарушая которые каждая из них рискует навлечь недовольство визави. Удастся ли им впредь избегать таких нарушений — покажет только будущее.

Ключевым в совместном заявлении руководителей двух стран по итогам визита представляется признание того, что КНР и США договорились прилагать «усилия по установлению отношений сотрудничества и партнерства, *основывающихся на взаимовыигании, взаимной пользе и взаимовыигрыше*». А в комментарии к нему на сайте «Жэньминь жибао он-лайн» с категоричной откровенностью констатировалось, что «антагонистические игры и мысли о конфронтации» более неприемлемы, а *общей ответственностью* лидеров обоих государств *становится «разумное урегулирование проблем в американско-китайских отношениях в целях реализации обоюдной выгоды»*.

Что скрывается за этими формулировками и что из них вытекает? Ответ, возможно, даст обзор и ретроспективный анализ событий в отношениях обеих стран на протяжении двух с половиной лет пребывания Б. Обамы в Белом доме.

* * *

Примечательно, что его инаугурация на пост президента состоялась спустя всего несколько дней после торжественно отмеченного в Америке и Китае 30-летия установления между ними официальных дипломатических контактов. В выступлении на праздничной церемонии, проходившей 5 января 2009 г. на Нью-йоркской фондовой бирже,

Г. Киссинджер особо подчеркивал необходимость совместного противостояния двух стран экономическим и политическим катаклизмам и усиления между ними стратегического диалога².

Через неделю, 12 января в Пекине открылся приуроченный к юбилею двухдневный симпозиум, в котором приняли участие более 250 китайских и американских политиков, дипломатов и ученых. Многие из них были лично причастны к процессу формирования и развития двусторонних связей. Выступая на торжественном банкете в их честь, заместитель Председателя КНР Си Цзиньпин отмечал, что за прошедшие три десятилетия объем торговли между двумя странами вырос более чем в 120 раз — с 2,5 млрд долл. США в 1979 г. до 300 с лишним млрд долл. в 2007 г. Между сторонами было подписано свыше 30 соглашений о межправительственном сотрудничестве, создан механизм диалога более чем по 60 вопросам, непрерывно расширялось и углублялось взаимовыгодное сотрудничество, динамично развивались дружественные контакты, продолжал углубляться культурный обмен. В последние годы свыше 2 млн граждан КНР и США ежегодно пересекали границы двух государств³.

В тот же день в Доме народных собраний состоялась встреча Ху Цзиньтао с Дж. Картером, Г. Киссинджером, З. Бжезинским и Б. Скоукрофтом, на которой Председатель КНР охарактеризовал китайско-американские отношения как «одни из самых важных, *значимость влияния которых выходит за границы двустороннего формата*». В ответном слове Дж. Картер, бывший президент США, при котором официальные дипотношения с Китаем были установлены, отметил, что «американо-китайские отношения *стали самыми важными двусторонними отношениями в мире*».

Оценки политиков подкреплялись и детализировались в комментариях и заявлениях экспертов обеих стран. Заместитель министра иностранных дел КНР Хэ Яфэй выдвинул на открытии симпозиума ряд предложений относительно будущего развития китайско-американских связей. Он подчеркнул, что стороны должны строить их на основе взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды, руководствуясь стратегической дальновидностью, уважать принципы трех совместных китайско-американских коммунике; непрерывно углублять диалог и взаимопонимание, прикладывать усилия к росту политического взаимодоверия; активно возвращать новые ростки межгосударственного сотрудничества, ставя во главу угла его развитие и расширение; должным образом разрешать разногласия и чувствительные проблемы, уменьшать трения между двумя государствами; всемерно поддерживать обмены между всеми общественными кругами Китая и США, укрепляя тем самым социальную базу китайско-американских отношений.

Для китайских специалистов одним из главных вопросов стала экономическая взаимозависимость США и КНР. Профессор Пекинского института международных исследований Ши Юньхун указывал, что в будущем американо-китайские разногласия будут касаться не Тайваня, а проблемы торговли, а «нынешний финансовый кризис является еще одним свидетельством того, что *влияние США в мире начинает ослабевать, в то время как Китай, наоборот, находится на подъеме, и необходимо сделать все, чтобы способствовать дальнейшему укреплению его статуса как глобальной державы*»⁴.

Американский синолог, профессор Рассел Ли Мозес, наоборот, самым серьезным барьером, препятствующим улучшению китайско-американских отношений, назвал именно тайваньский вопрос. Но будущий курс взаимоотношений США и Китая, по его мнению, не следовало сводить лишь к решению имеющихся проблем. Он предложил сторонам *выработать ясный список своих целей, чтобы избежать недоразумений, ведущих к конфронтации*.

Руководители Филадельфийского института внешнеполитических исследований **обусловили «расцвет двусторонних отношений» США и Китая в первую очередь тем, что «экономические и стратегические интересы взяли верх, а они диктуют партнерство»**. Окончание «холодной войны» оставило США в роли единственной сверхдержавы, и «эти условия способствовали экономическому развитию Китая, сотрудничество с процветающими США было ему выгодно, при этом *Пекин незаметно стал неоспоримой геополитической силой*». В то же время российскому руководству, по мнению американских экспертов, «не нравится мир в том виде, каким он стал после «холодной войны», и оно хотело бы его переделать». Если Китай вполне устраивает нынешняя глобальная расстановка политических и экономических сил, то Москва, «решившая, что нефтедоллары дают ей повод диктовать свои условия в международных отношениях, не хочет мириться с существующими геополитическими реалиями», утверждали они⁵.

14 января 2009 г. лондонская «**Financial Times**» опубликовала статью З. Бжезинского, в которой как бы резюмируя юбилейные оценки, он подчеркнул, что «США и Китай должны развивать стратегическое сотрудничество, создав *«большую двойку»*, **которая сможет значительно изменить ситуацию в мире**». Политолог утверждал, что Пекину и Вашингтону не следует забывать о своей взаимозависимости, и призвал «углубить и расширить геостратегическое сотрудничество». По его мнению, **непосредственное участие Китая в решении проблем в ряде стратегических регионов мира давно назрело и стало необходимым**. Бжезинский также предложил КНР наладить совместную разработку политики в области климатических изменений и реорганизации ООН⁶.

* * *

Статья в ведущей британской газете вызвала в мире громкий резонанс, хотя, по существу, не стала откровением. Поскольку тема возможности формирования геополитического альянса между США и КНР, идея создания Вашингтоном и Пекином коалиции в виде «большой двойки», или «мира на двоих» (G-2), экономического и политического блокирования двух стран в формате т.н. «кимерики» постоянно присутствовала на протяжении нескольких предыдущих лет в мировых СМИ.

Впервые ее выдвинул в 2005 г. руководитель вашингтонского Института мировой экономики Фред Бергстен изначально в качестве концепции создания некоего экономического американо-китайского кондоминиума, в основу которого закладывались следующие соображения:

– в совокупности экономики двух стран в течении четырех лет общемирового подъема с середины первого десятилетия XXI в. обеспечивали около 50% глобального экономического роста;

– США и КНР являются самыми крупными торговыми странами и одновременно наиболее злостными загрязнителями глобальной окружающей среды;

– в то же время Америка и Китай находятся на диаметрально противоположных позициях с точки зрения дисбаланса мировой торгово-финансовой системы: в то время, как США остаются ее крупнейшим должником и дебитором, КНР является страной с самым большим активным сальдо и наибольшими золотовалютными резервами;

– оба государства выступают, соответственно, в качестве лидеров двух групп стран: США — богатых и индустриально развитых, а КНР — развивающихся с формирующейся рыночной системой, причем каждая из этих групп обеспечивает в настоящее время до 50% общемирового ВВП.

Более года спустя после Бергстена британский историк Нейл Фергюсон и экономист Морис Шуларик в своих работах формализовали китайско-американскую экономическую связку, описав ее в виде своеобразного механизма — «кимерики» — конгло-

мерата производителей-кредиторов и потребителей-должников, который, став в случае превращения из виртуального в реальный «единой экономической системой», охватил бы около 13% мировой территории и четверти мирового населения, производя при этом почти треть общемирового ВВП и обеспечивая более половины глобального экономического роста.

Главную опасность в случае реализации своей идеи исследователи видели в том, что в такой «комбинации» в руках Китая сосредоточились бы сильные рычаги экономического воздействия на США (огромные валютные ресурсы, американские долговые обязательства, положительный баланс в двусторонней торговле и пр.), используя которые, он мог бы при желании пытаться шантажировать Америку угрозами изменения силового баланса в результате переориентации собственных приоритетов в направлении, к примеру, ШОС, членом которой является Россия, или африканского континента.

Небезосновательность подобных опасений, очевидно, стала одной из причин, заставивших политиков и политологов США подвергнуть идею «большой двойки» дальнейшему развитию, доработке и усовершенствованию. В результате появилась уточненная концепция будущего мироустройства, призванного опираться на «единство интересов» или «общую судьбу» США и Китая. Она не была плодом совместных коллективных усилий, но ряд видных представителей американской политологии и синологических кругов внесли в нее каждый свою лепту.

В итоге «кимерика» как таковая составила лишь часть идеи «большой двойки», олицетворяя экономическую «смычку» Америки с Китаем с целью их взаимодействия для преодоления, прежде всего, трудностей разразившегося в конце 2008 г. финансово-экономического кризиса, а конкретнее — привлечения Америкой китайских ресурсов для поиска путей выхода из катастрофической ситуации, в которой очутилась в тот момент ее экономика.

Свое видение проблемы представил Г. Киссинджер, который считал, что новый мировой порядок должен строиться, прежде всего, на системе совместных приоритетов, альтернативой которой является хаос. По Киссинджеру, наряду с уже имеющимися глобальными органами финансового управления необходимо было *создать политические наднациональные органы с США и КНР в качестве «ядра»*, поскольку им сейчас «важно сотрудничать и не замыкаться в своих регионах, чтобы совместно преодолеть последствия кризиса»⁷.

Схожие мысли высказал и известный американский синолог Дэвид Лэмптон — директор Центра по изучению Китая при университете им. Дж. Хопкинса, который, однако, больше ратовал за взаимодействие вышеупомянутой «двойки» прежде всего в области т.н. «мягкой силы» и особенно в интеллектуально-технической сфере⁸.

Подход З. Бжезинского отличался особым акцентом на *общность стратегических интересов США и КНР* и тесное взаимодействие двух стран в целях их реализации.

* * *

То, что статья в «**Financial Times**» была опубликована менее чем за неделю до прихода к власти нового президента-демократа и вышла из-под пера одного из его ключевых на тот момент внешнеполитических консультантов, давало основания предположить, что для «встающей за штурвал» администрации она носила характер программной.

Действительно, унаследовав в политике по отношению к КНР — в том числе и благодаря занятию ключевых внешнеполитических постов в его администрации Х. Клинтон и Б. Гейтсом — сочетание подходов своих предшественников Б. Клинтона и Дж. Буша-мл., Б. Обама взял курс на дальнейшую активизацию попыток вовлечения Ки-

тая в глобальные экономические и политические процессы при одновременном ограничении возможностей его независимой контригры.

В частности, переосмысление его администрацией итогов китайской политики Буша привело к выводу о том, что заставить Пекин скорректировать его курс (как политический, так и валютный) в пользу США вряд ли реально. Отсюда возникла мысль предложить ему некий большой проект, в данном случае дуополосность, в рамках которого необходимые Вашингтону действия могли бы трактоваться не как уступки, а как шаги по построению совместного мирового порядка. При этом идея американского лидерства с точки зрения самих Соединенных Штатов не должна была подвергаться сомнению.

В стратегическом плане предложенный Обамой Пекину вариант «двойки», в отличие от «бушевской», был направлен на завязывание новой крупномасштабной геополитической игры, результатом которой должно было стать очередное глобальное возвышение несколько «сникшей» на тот момент Америки на фундаменте спровоцированного ею китайско-российского разлада (не случайно Китаю демонстративно, но ненавязчиво был сделан намек на то, чтобы занять место России в качестве главного американского визави) и ослабление обоих соперников США.

Еще в ходе предвыборной кампании будущий президент заявлял, что будет «подталкивать» Пекин к «более ответственной роли» в оказании американскому лидерству содействия при решении общих проблем XXI в. В то же время Б. Обама указал, что США будут не только сотрудничать с Китаем, но и «состязаться с ним, распространяя демократические ценности».

Для Китая это не стало неожиданностью, поскольку он традиционно был готов к тому, что именно при администрациях демократов упор в американской внешней политике зачастую делался на проблему соблюдения в КНР прав человека, что расценивалось там как вмешательство во внутренние дела, посягательство на суверенитет и навязывание чуждых западных норм общественной жизни.

Со своей стороны Пекин желал, чтобы курс США на китайском направлении был более предсказуемым. Беспокойство у руководства КНР вызывали настойчиво повторяемые Б. Обамой обещания перемен. Усиление критики со стороны США по поводу преследования диссидентов или введение протекционистских мер и позиционирование Китая как главного виновника экономических бед, постигших Америку, не могли устроить его.

По мнению китайцев, американцам было необходимо прежде всего осознать, что Китай, скупивший к тому времени облигации Министерства финансов США на сумму свыше 700 млрд долл., являлся главным гарантом огромного долга Америки и, обладая самыми большими валютными резервами в мире, мог помочь восстановить ее национальную экономику.

* * *

Поскольку приход к власти администрации демократов на этот раз совпал с наиболее острой фазой развития глобального финансово-экономического кризиса, на первый план в китайско-американских отношениях выдвинулись проблемы, связанные с его преодолением.

На этом фоне американцы явно приглушили правозащитную тематику. Х. Клинтон в ходе своего первого визита в КНР в феврале 2009 г. заявила на пресс-конференции в Пекине, что «давление по этим вопросам не должно мешать решению проблем глобального экономического кризиса, глобальных изменений климата и кризисов в сфере безопасности»⁹.

В качестве первого шага Обама предложил Китаю повысить курс юаня и тем самым помочь устранению дисбаланса в мировой торговле, а заодно и уменьшению торго-

го дефицита самих США. Американская администрация высказала также заинтересованность в том, чтобы Китай продолжал покупку облигаций Министерства финансов США.

На встрече Обамы с председателем КНР Ху Цзиньтао в апреле 2009 г. в Лондоне была достигнута договоренность об американо-китайском стратегическом и экономическом диалоге, охватывающем практически все сферы сотрудничества двух стран в мировых делах — от укрепления режима нераспространения ядерного оружия, урегулирования национальных конфликтов, улучшения связей военных ведомств США и Китая — до преодоления мирового кризиса¹⁰.

Американская администрация в ходе переговоров обещала Китаю вдвое сократить свой финансовый дефицит после улучшения экономической ситуации. Китай, со своей стороны, заявил о намерении усилить макрорегулирование и расширить сферу внутреннего потребления.

По мнению сторон, «в силу новых исходных пунктов и обращенности в будущее» *межгосударственные отношения двух стран*, исходя из стратегических и долгосрочных интересов и перспектив, *были оценены ими не только как приоритетные, но «крайне конструктивные и активные, необходимые для будущего мира».*

Логично предположить, что как раз после лондонской встречи в умах ряда ведущих специалистов в области внешней политики и в США, и в КНР начала вызревать мысль о гипотетической реальности некоего альянса сторон на почве взаимной заинтересованности в возможностях друг друга, но при этом исключительно на условиях, которые каждая из них сочла бы единственно приемлемыми для нее самой.

Не в последнюю очередь это ощущение должно было подкрепляться впечатлением относительной мягкости, плавности и безболезненности «переходного периода» в отношениях двух стран по сравнению с предыдущими сменами вашингтонских администраций.

Что касается соображений, на которые опиралась каждая из сторон, то США исходили из того, что Китай, официально не отвергавший в тот момент зондажа идеей «большой двойки», не станет оспаривать американское глобальное лидерство при условии согласия Америки на усиление его региональной роли и дальнейшее укрепление позиции ведущей развивающейся державы мира.

От внимания в США не ускользнуло, что со второй половины первого десятилетия нынешнего века Китай начал постепенное замещение своей прежней внешнеполитической концепции «мирного возвышения» более мягкой по формулировкам концепцией «гармоничного мира». Как практический результат этих изменений американская сторона восприняла его лояльное поведение по отношению к ней как партнеру по экономической «связке» в период глобального кризиса.

Знаковым для нее стало также согласие Китая после «прихода во власть» Обамы на возобновление военных связей, замороженных в конце президентства Буша из-за его решения о военных поставках Тайваню.

И, наконец, определенную роль, видимо, сыграли замеченные Америкой попытки представителей некоторых внешнеполитических ведомств КНР, прежде всего, китайского МИДа определенным образом «подыграть» ее идее «G-2». Характерно, что после встречи в Лондоне на протяжении почти 10 месяцев вплоть до визита Обамы в Китай представителям экспертного сообщества и СМИ КНР в дискуссионно-пропагандистских целях не возбранялось обсуждать в печати, на ТВ и в специальных изданиях как саму эту идею, так плюсы и минусы предложенного США формата¹¹.

Со своей стороны руководство Китая, анализируя предложенную Вашингтоном инициативу, не могло не учитывать, что смена власти в США совпала с началом качественной трансформации мировой архитектуры — постепенным демонтажом монополяр-

ной системы, связанным с ослаблением глобальных позиций и роли Америки в мире. Его причины носили комплексный характер и были обусловлены как внешнеполитическими неудачами предыдущей администрации, так и ее внутренней политикой, приведшей США, а за ними всю мировую экономическую систему к глубочайшему финансовому кризису.

Экономическое «недомогание» сказалось на военно-политической мощи США и существенно ограничило их способность силового реагирования, возможности диктовать более слабым и зависимым странам линию поведения. На таком фоне вес, авторитет и влияние Китая в мире, подкрепленные усилением его комплексной мощи, значительно возросли.

Кроме того, «на руку» Китаю сыграло то обстоятельство, что впервые со времен Ф. Рузвельта к власти в США пришла администрация, нацеленная в силу сложившихся внутренних условий на определенную социализацию американского государства, воссоздание ориентированных соответствующим образом институтов, что потребовало от нее принципиально иных подходов и к международной политике, сокращения ресурсов для внешней экспансии.

Внутреннее «полевение» порождало необходимость внешнеполитических корректиров, смягчения прежнего, агрессивного курса. А стремление выпутаться из иракского и афганского «тупиков» заставляло притушить накал в отношениях с КНР и Россией, приведя к идеям американо-российской «перезагрузки» и «нового курса» на китайском направлении.

Эти коррективы нашли отражение в новых доктринах новой американской администрации — внешнеполитической и ядерной, но в итоге не стали определяющими в ее курсе. По существу, внешнеполитическая программа кандидата в президенты Б. Обамы так и не была полностью реализована в международной политике администрации Обамы-президента, поскольку Соединенные Штаты, вопреки его предвыборным обещаниям, вознамерились сохранить за собою прерогативу глобального доминирования, не пожелав переуступить ее кому-либо или хотя бы поделиться с кем-то этой привилегией.

* * *

В Китае это отчетливо осознали в ходе визита туда президента США в ноябре 2009 г. Поэтому на привезенное Обамой предложение Пекину о дуумвирате с Америкой, в котором «партию первой скрипки» Вашингтон безоговорочно оставлял за собою, а Китаю отводил роль «младшего партнера», последовал решительный отказ.

На встрече с американским президентом 18 ноября 2009 г. в Пекине премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао без обиняков заявил, что с идеей т.н. «большой двойки» Китай не согласен. Он подчеркнул, что его страна «все еще остается развивающейся... с огромным населением, и ей предстоит пройти долгий путь для того, чтобы превратиться в модернизированное государство». «Китай проводит независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику и не намерен вступать в союз с другой страной или группой стран. Глобальные проблемы должны решаться всеми государствами мира, а не одной или двумя странами», — отметил премьер¹².

Помимо перечисленных им причин отказа от участия в «двойке», Китай в тот момент, как показал последующий ход событий, исходил также из соображения о том, что качественные трансформации, происходившие в международной архитектонике и системе современного миропорядка на фоне разразившегося глобального кризиса, должны были гарантировать ему основание и право претендовать не на вспомогательную роль в двустороннем альянсе, а на полноправную позицию второй державы мира. Тем более, что по экономическим показателям он справлялся с кризисом увереннее многих

других и уже тогда настигал Японию, которую затем превзошел по итогам 2010 г., обнародованным накануне ответного январского (2011 г.) визита Ху Цзиньтао в Вашингтон.

На фоне полученной Обамой отповеди значение опубликованного за день до этого, 17 ноября 2009 г., его совместного заявления с Ху Цзиньтао по итогам «углубленных, конструктивных и откровенных консультаций о состоянии и перспективах китайско-американского сотрудничества на пяти главных направлениях» было фактически девальвировано до уровня рядовой декларации. Критики президента внутри США не упустили своего шанса, укоряя его за «излишние реверансы» в адрес Пекина. «Америка предстала в роли просителя и дала понять китайцам, что заинтересована в них намного больше, чем они в ней», — утверждал, в частности, Д. Лэмптон¹³.

Главным результатом поездки Обамы в КНР осенью 2009 г. стало, как ни парадоксально, гораздо более глубокое и четкое осознание американской политической элитой характера, целей и устремлений Китая на современном этапе, который, будучи на подъеме, демонстрировал твердость, бескомпромиссность и неуступчивость, уважая и признавая только силу, действуя исключительно в собственных интересах с явным намерением трансформации его укрепляющейся мощи в желание закрепить за собой статус ведущей глобальной державы.

Это обнаружило несостоятельность разработанной Госдепартаментом и Советом национальной безопасности США и выдвинутой заместителем госсекретаря Джеймсом Стейнбергом в отношении КНР новой формулы «стратегического заверения» (strategic reassurance), суть и главное отличие которой от зелликовского «ответственного акционера» (responsible stockholder) состояли в том, что *Китаю*, помимо принятия на себя ответственности за глобальное развитие, *необходимо было убедить остальное международное сообщество, что он в качестве глобальной державы не будет угрожать его безопасности и благополучию*. Но таких гарантий Пекин давать не собирался. Напротив, Соединенным Штатам в ответ было предложено самим предоставить Китаю гарантии невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Выводы и реакция американской администрации на обозначившуюся позицию Пекина были соответствующими. От осторожности и сдержанности она перешла к планомерному процессу подкрепления своих принципиальных позиций по самым чувствительным проблемам американо-китайских отношений.

В итоге *на протяжении всего 2010 г. негативное в них заметно перевешивало позитивное*: конфликт вокруг американской компании Google, грозившей свернуть деятельность в КНР в ответ на цензуру в китайском Интернете; обострение отношений в связи с намерением США выполнить обязательства перед Тайванем о поставках вооружений и ответным прекращением Пекином военных связей с Вашингтоном, введением Китаем санкций против американских компаний, участвующих в вооружении острова; повышение пошлин на ввоз в США китайских покрышек и стальных труб; прием в Белом доме далай-ламы; возобновление Соединенными Штатами предъявления претензий к Китаю по проблеме прав человека и защите национальных меньшинств; отказ КНР в поддержке США по иранской ядерной программе; отказ им в требовании ревальвировать юань и уменьшить американский дефицит в торговле с Китаем; разночтения в отношении к проблеме глобального изменения климата; жесткая реакция США на китайские претензии в отношении спорных территорий и акваторий в Южно-Китайском море; кризис на Корейском полуострове; вручение Нобелевской премии мира китайскому диссиденту Лю Сяобо и т.д.

* * *

На начальном этапе обострения отношений с США у некоторых представителей китайского экспертного сообщества возникли настроения в пользу пересмотра внешнеполитической стратегии страны в направлении ужесточения с целью более решительного и агрессивного продвижения ее стратегических интересов. Этот новый стиль отчасти был опробован в региональных территориальных спорах в ЮВА и СВА. Но в двусторонних связях с Соединенными Штатами предпочтение было отдано сохранению сдержанности.

Характерно, что серьезные разногласия и конфликты сторон в политической сфере практически не отразились на их поведении в области двусторонних торгово-экономических, научно-технических и культурных связей, продолжавших расти и шириться. Активизировался ставший регулярным стратегический и экономический диалог. В 2010 г. товарооборот Китая и США достиг 385,34 млрд долл., уступив только торговле КНР с ЕС (479,71 млрд долл.). При этом американский экспорт в Китай, который в 2009 г. не превышал 100 млрд долл., составил год спустя 110 млрд долл. и рос на 50% быстрее, чем экспорт в другие страны мира.

Примечательно, что, выйдя в 2010 г. по объему ВВП (6,48 трлн долл. по официальным китайским данным) на второе место в мире, КНР еще до этого на протяжении ряда лет никому не уступала лидирующих позиций по общему объему экспорта и величине золотовалютных запасов (в прошлом году — 1,578 трлн долл. и свыше 3 трлн долл. соответственно). В то же время размер внешнего долга у США практически сравнялся с объемом их ВВП и составил около 14 трлн долл. или более 45 тыс. долл. на каждого американца при дефиците госбюджета в размере 1,48 трлн долл.¹⁴

В актив Китая, оценивая темпы его развития в «погоне» за США, следует занести второе после них место по сумме привлеченных в прошлом году в страну прямых иностранных инвестиций (109 млрд долл.). Его мощный рывок за последние годы в научно-технической области, в сферах разработки передовых технологий и фундаментальных исследований по многим показателям приблизил КНР к уровню США. В вузах Америки в настоящее время обучается более 128 тыс. китайских студентов, и перед нею встала задача довести количество своих студентов в КНР до 100 тыс.

Несмотря на постоянно декларируемое недовольство Вашингтона экономической экспансией Китая, растущим в торговле с ним дефицитом и заниженным курсом его национальной валюты, китайским товарным демпингом и государственным протекционизмом, по-прежнему налицо стремление США удерживать быстро растущий Китай в орбите своего экономического притяжения, привязав к себе еще крепче. Это стремление породило в свое время попытки мифологизации Америкой якобы «неразрывной экономической взаимозависимости США и КНР», выражавшейся в утверждении, что «резкий шаг одной из сторон по выходу из статус-кво неизбежно повлечет неприемлемый взаимный ущерб: китайский рынок потрясет обвальное падение спроса на товары, а американский — отказ Пекина финансировать дефицит США». Спорным представлялось и заявление о том, что «китайская сторона не имеет никакой другой стратегии, кроме покупки долларов и экспорта собственных товаров в США».

Факты свидетельствуют о другом. В утвержденном в марте с.г. 4-й сессией ВСНП 11-го созыва плане экономического и социального развития КНР на XII пятилетку закреплено последовательное усиление в модели экономического роста страны упора на увеличение внутреннего потребления вместо стимулирования экспорта. Таким образом, стартовавший с началом глобального кризиса курс на расширение собственных внутренних рынков создал альтернативу стимулирующим «инъекциям» Китая на рынках США. К тому же, кризис показал, что, во-первых, американо-китайская взаимозависимость внесла немалый вклад в «надувание» спровоцировавшего его т.н. «пузыря», а во-вторых,

обе стороны тяготеют к неразрывности этой связи, ограничивающей пространство для маневра в остальных вопросах.

Но одновременно фактом остается и то, что КНР превратилась сегодня в главного кредитора Америки: ей принадлежат ценные бумаги казначейства США на сумму около 900 млрд долл. и активы американских компаний на такую же сумму¹⁵. Может ли Китай «обрушить» экономику США, если захочет избавиться от американской наличности? Это непростой вопрос, и мнения экспертов по нему расходятся. Так, вопреки многочисленным утверждениям о реальности подобного развития сюжета профессор экономики Шанхайского педагогического университета Лю Синьхуа заявила, что «хотя Китай и является держателем американских денежных обязательств в виде гособлигаций, которые считает надежнее валюты, обратно в Америку отправить их он не может. Так это не работает»¹⁶.

Неоспоримо, однако, что в мировой экономике Китай постепенно превращается в главного международного банкира и кредитора, оттесняя США. В последнее время он раздал больше кредитов, чем Всемирный банк, открывает все новые рынки для своих товаров, уменьшая зависимость от американского, усиливает влияние в Европе, покупая государственные облигации Португалии, Испании, оказывая помощь компаниям Греции, строя автострасы в Польше¹⁷.

Одновременно Китай продолжает оставаться главным «производственным цехом» американских корпораций и сохраняет значительную зависимость от внешних рынков, в первую очередь, от американского. От производства в Китае Америка также выигрывает: его рабочая сила значительно дешевле, а экология страдает в КНР, а не в США.

Ведущие китайские экономисты признают, что самая актуальная задача для КНР сегодня — стимулировать внутренний спрос, а не только наводнить Америку экспортом. Но при всех колоссальных и довольно эффективных усилиях китайского государства добиться успехов на этом направлении в одночасье невозможно, поскольку это требует резкого повышения покупательной способности населения при создании разветвленной сети кредитования, что нереально в стране, где отсутствует комплексная система социального обеспечения, подменяемая традицией максимального сбережения.

И в мире, и в самом Китае много рассуждают о причинах китайского экономического бума. Некоторые эксперты указывают на появление якобы «принципиально новой китайской экономической модели, доказавшей свое превосходство над либеральной моделью Запада». Другие видят в ней лишь повторение пути, по которому прошли в свое время Япония, Сингапур и Южная Корея, подчеркивают, что «вечно сохранять высокие темпы роста Китаю не удастся»¹⁸. Третьи считают, что никакой альтернативы западной модели экономики в Китае нет, а есть альтернативная модель управления, «в первую очередь, во внеэкономической сфере»¹⁹.

Несмотря на расхождения в оценках причин экономических успехов КНР, все эксперты сходятся в главном, признавая, что сегодняшний Китай выступает по существу «основным мотором» глобальной экономики и играет ведущую роль в удержании ее от реального падения. Рост Китая — одновременно важнейшая подпора эмиссионным усилиям Федеральной резервной системы США, позволяющая доллару пока «держаться на плаву», покрывая американский бюджетный дефицит.

Таким образом, экономическая и валютно-финансовая «смычка» между США и КНР стала не только гарантией от разрушения связей двух стран вне зависимости от того, какие политические «тучи» застилают горизонты их отношений, но и залогом сохранения на обозримую перспективу функционирующей в настоящее время мировой экономической системы.

* * *

Отсюда становится понятным, почему обоюдное настроение выправить наметившийся в отношениях двух стран на протяжении 2010 г. крен к «тупику» возобладало накануне официального государственного визита Ху Цзиньтао в США (18–21 января с.г.) и в Вашингтоне, и в Пекине. По мнению наблюдателей и экспертов, он должен был обозначить «переломную точку» во взаимоотношениях Америки и Китая, поворот к их существенному улучшению в силу неприемлемости для обеих сторон дальнейшего их регресса или даже стагнации. Значимость встречи усиливало то, что она была последней для обоих лидеров, поскольку в КНР в будущем году уже запланирована смена руководства, а в США грядут новые президентские выборы.

Для Китая визит представлял реальную возможность достигнуть договоренности с Америкой о переформатировании двусторонних связей таким образом, чтобы, с одной стороны, не усугублять существующие разногласия, разрушая уже достигнутое, а с другой, придать своим отношениям с США более сбалансированную и приемлемую для Пекина конфигурацию.

Это нашло отражение в итоговом заявлении сторон, где было зафиксировано, что «планка» взаимоотношений поднята ими с уровня «всестороннего конструктивного сотрудничества» до категории отношений «сотрудничества и партнерства», в основу которых закладывались взаимоуважение, взаимная выгода и обоюдный выигрыш²⁰. Следует отметить, однако, что даже в своем новом качестве китайско-американские отношения уступали по характеру доверительности отношениям «стратегического партнерства и взаимодействия» между КНР и Россией. Примечательно, что Пекин сохранил за собою право самому определять круг и степень своей вовлеченности и ответственности за решение глобальных проблем.

В ходе переговоров лидеры двух стран обозначили готовность к взаимодействию и сотрудничеству по всему спектру двусторонних связей и актуальных международных проблем, включая экономику и торговлю, энергетику, охрану окружающей среды, борьбу с терроризмом и противодействие распространению оружия массового уничтожения, ситуацию на Корейском полуострове, иранскую и иные острые региональные проблемы, климатические изменения, развитие «Группы 20» и другие вопросы глобальной значимости.

В ходе визита китайская сторона прежде всего стремилась решить свои экономические задачи и хотя бы частично урегулировать противоречия в торгово-экономической сфере. В ответ на выдвинутые США требования по вопросам ревальвации китайского юаня, защиты интеллектуальной собственности и экономической трансформации власти КНР пошли на наиболее значительное за последние 17 лет повышение курса своей национальной валюты, а также объявили, что за последний год около 40 тыс. чел. были арестованы в Китае за нарушения прав на интеллектуальную собственность.

Одновременно китайская сторона объявила о «серьезном препятствии», которое, по ее мнению, «серьезно мешает развитию двусторонних торгово-экономических отношений», отметив, что, будучи третьей страной по размерам американского экспорта, КНР остается вне списка государств, на которые США распространяют упрощенные торговые процедуры.

Несмотря на намеченный в итоговом заявлении комплекс детальных мер по расширению экономического взаимодействия, Соединенным Штатам так и не удалось заручиться конкретным обещанием Китая о приведении курса юаня в соответствие с желательными для них параметрами. Пекин лишь обещал «усиливать его гибкость». На деле же, судя по высказываниям китайских экспертов, он и не намеревался ревальвировать юань в том диапазоне, на котором настаивал Вашингтон.

Вопрос валютного курса в китайско-американских отношениях по существу перестал быть чисто финансовой и экономической проблемой и давно приобрел политический характер. Поскольку миром правят деньги, мировой экономикой будет управлять тот, у кого их больше и у кого они надежнее. Если в прошлом США фактически «раздели» и обанкротили бывший СССР гонкой вооружений, то ныне Китай по существу «задавил» Америку дешевым товарным экспортом, лишив многие из ее промышленных отраслей возможности сохранить производство.

Теперь, в дополнение к этому, он настоятельно предлагал США пойти на изменение глобальных финансовых условий и международного финансового климата, давая понять, что не собирается до бесконечности сохранять систему перманентного финансирования им американского дефицита, а хочет заручиться финансовой ответственностью и с их стороны.

К американо-китайскому саммиту обе стороны подготовили весомый пакет контрактов. Накануне поездки Ху Цзиньтао США посетила специальная китайская делегация, которая обсудила с американскими партнерами дальнейшее поощрение экспорта в Китай из Соединенных Штатов и стимулирование китайских инвестиций в США. В ходе двустороннего форума по торгово-экономическому сотрудничеству, состоявшегося в рамках визита 21 января в Чикаго, был подписан ряд соглашений в области импорта и экспорта, по взаимным инвестициям и сотрудничеству в сферах энергетики, технологий и высокоскоростных железных дорог. Обсуждался контракт на прокладку китайскими компаниями первого участка суперскоростной железнодорожной магистрали в Калифорнии на сумму в 45 млрд долл.

Во время визита Ху Цзиньтао было объявлено также о закупках Китаем американской продукции на сумму свыше 60 млрд долл., включая 200 самолетов «Боинг» стоимостью 19 млрд долл. Иными словами, действие эмбарго на продукцию американских компаний, вооружающих Тайвань, тем самым аннулировалось.

Это наглядно подтвердило, что углубление и расширение торговых связей двух стран параллельно затрагивает аспект снижения напряженности между ними в военно-стратегической сфере. В Пекине, видимо, посчитали, что ее эскалация может создать для КНР лишние препятствия. Перевод отношений с США в силовую плоскость обнаружил бы, что Китай пока не столь силен в военном отношении, чтобы быть готовым к полномасштабному противостоянию с Америкой. Договоренность о восстановлении прерванных в 2010 г. контактов оборонных ведомств обеих стран предшествовала поездке китайского лидера в Вашингтон.

В документе по итогам визита наряду с суммированием позитивных результатов, достигнутых сторонами по широкому кругу вопросов — от двустороннего сотрудничества в отдельных областях до взаимодействия в соответствующих широких сферах их общих стратегических глобальных и региональных интересов — тем не менее, выявилось наличие сохраняющихся противоречий по целому комплексу проблем. Среди них — беспокойство Вашингтона по поводу усиления позиций Китая в АТР, вытекающего из продолжающегося стремительного роста его экономической и совокупной мощи, включая военный потенциал.

Уже сегодня в Восточной и Юго-Восточной Азии, где Китай существенно потеснил США как в экономическом, так и в политическом плане, образовались группировки с его сильным влиянием и без американского участия: АСЕАН+1 (Китай), АСЕАН+3 (КНР, Япония, Южная Корея), АСЕАН+6 (Восточно-Азиатский саммит: Китай, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, Индия), «треугольник» в СВА (Китай, Япония, Южная Корея).

Китай занял место США в качестве главного торгового партнера Японии, Южной Кореи, Тайваня, многих стран АСЕАН. Этому, в частности, способствовало создание с 1 января с.г. зоны свободной торговли между АСЕАН и КНР. Планы выхода военно-морских сил Китая в мировой океан, претензии на острова и акватории в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях — все говорит о том, что острота борьбы между Америкой и Китаем за влияние в регионе будет сохраняться.

Соединенные Штаты озабочены тем, что у многих в Азии складывается впечатление, будто Китай вышел из экономического кризиса значительно укрепившимся, а Америка — сильно ослабшей. Если оно сохранится, страны региона могут задуматься о переориентации на Пекин — как на более сильного и перспективного партнера. А это усилит и глобальные позиции КНР.

Вместе с тем, из итогового документа явствует, что, по-видимому, наметилось определенное сближение подходов обеих сторон к решению корейской ядерной проблемы. Однако замедление прогресса в преодолении тайваньского тупика, которому сознательно способствуют США сохранением и укреплением военных связей с островом, может вмиг разрушить пока еще слабо обозначившиеся потенциальные контуры шаткого фундамента ослабления напряженности в СВА.

Государственный визит Председателя КНР в США некоторые СМИ назвали «рубежным» еще потому, что он окончательно продемонстрировал неспособность американской стороны влиять на внутривнутриполитическую ситуацию в Китае и оказывать давление на Пекин в вопросах демократии и прав человека. Разногласия в этой области продолжали сохраняться.

Неким «подарком» американцам со стороны КНР можно было бы считать лишь зафиксированную в документе договоренность о проведении очередного раунда диалога по этой тематике и возобновлении ее обсуждения юристами обеих стран. Во время визита китайский лидер фактически повторил давно известную позицию его страны, но при этом впервые открыто признал универсальность прав человека и демократических норм, подчеркнув, что в этой области КНР «еще много предстоит сделать». Это заявление Ху Цзиньтао, однако, так и не попало на страницы официальной китайской печати.

Не осталось без внимания наблюдателей и аналитиков отсутствие в документе по итогам визита упоминания о принципах будущего мироустройства. Это могло свидетельствовать либо о том, что разногласия в концептуальных подходах сторон к проблеме однополярного или многополярного мира бескомпромиссны и непреодолимы, либо о том, что они умышленно по взаимному согласию «затенили» эту тематику, исходя из каких-то собственных соображений. Россия в документе вообще не фигурировала. Из него также следовало, что Китай намерен оставаться самостоятельным центром силы, а ту или иную степень региональной и глобальной ответственности будет брать на себя в соответствии с имеющимися возможностями.

Выступая 20 января 2011 г. в Национальном комитете США по китайско-американским отношениям, Председатель КНР заявил, что его страна не претендует на мировую гегемонию, выступает против гонки вооружений и не создает военную угрозу другим странам. Дозированный характер курса КНР в военно-оборонительной сфере проявляется в усилении ею военного потенциала на наиболее важных для себя направлениях, избегая втягивания в гонку вооружений или военные конфликты, чреватые противостоянием с США.

Судя по некоторым признакам, в Пекине воцарилась эйфория от осознания того факта, что КНР практически достигла с США «равенства статусов». Однако это равенство, как подчеркивал ряд западных СМИ, если и проглядывает, то обеспечивается не за счет силового паритета двух держав, как это имело место во времена противостояния

США и СССР, а исходя из потенциала Китая и тенденций его развития. Именно поэтому некоторые наблюдатели справедливо отмечали, что если китайско-американским отношениям периода президентства Дж. Буша-мл. был присущ экономический крен, то при Обаме они «дрейфуют» в военно-стратегическом направлении.

Пока Китай существенно отстает от США в военно-силовой составляющей, не следует исключать, что нечто близкое идее «двойки», но с собственной «китайской спецификой» он будет «держат в уме» как альтернативный вариант недопущения новой bipolarности.

В то же время усиление Пекином внимания к укреплению военной мощи страны, участвовавшие территориальные споры КНР с некоторыми странами-соседями, заявленная устами китайского руководства «необходимость всемерного усиления и модернизации НОАК», которая должна «уметь побеждать в локальных войнах, идущих в условиях информатизации»²¹, свидетельствуют о том, что у руководителей Китая, наряду с осмыслением преимуществ от реализации проекта китайско-американского альянса, существуют и другие настроения — не исключать вероятности силового противостояния. Прежде всего, в ключевом для отношений с США тайваньском вопросе.

* * *

Оценки визита Председателя КНР в США в СМИ обеих стран отличались нюансами и тональностью, но совпадали в главном — *их двусторонние отношения вступили в длительный период формирования модели глобального партнерства с элементами соперничества.*

В ходе переговоров китайская сторона сбалансировала сочетание жесткости и гибкости и на этот раз продемонстрировала готовность к компромиссам. США обнаружили большую восприимчивость к озабоченностям КНР, согласившись, в частности, обсуждать проблемы обустройства АТР, участвовать в выработке программ обеспечения безопасности, отвечающей интересам всех стран региона.

В официальных материалах и сообщениях китайских СМИ особо подчеркивалась качественная «новизна» китайско-американских отношений, обретенная в результате поездки китайского лидера в Вашингтон. Отмечалось, что достигнутые там договоренности «открывают выдающиеся перспективы для развития отношений сторон и укрепления международного авторитета Китая».

Американские оценки были более сдержанными, однако устами Обамы было заявлено, что «этот визит может заложить основу [отношений двух стран] для следующих 30 лет». Как бы косвенно подтверждая удовлетворение его итогами, американский президент день спустя после завершения визита объявил о намерении участвовать в избирательной кампании 2012 г., хотя еще накануне встречи с Ху Цзиньтао его шансы на повторное переизбрание оценивались весьма скромно.

* * *

Развитие отношений КНР и США после визита подтвердило вывод о том, что после года «охлаждения» они не только вернулись на нормальные рельсы, но и обрели большую предсказуемость, стабильность и даже определенную доверительность.

В русле восстановления контактов военных ведомств с 15 по 22 мая 2011 г. США посетил начальник Генштаба НОАК генерал-полковник Чэнь Биндэ, программу визита которого подготовил лично его американский визави, председатель Объединенного комитета начальников штабов ВС США Майкл Маллен, включивший в нее посещения американских командных центров, военных и тренировочных баз, которые прежде были

закрыты для иностранцев. В ходе их переговоров были намечены конкретные проекты для будущего взаимодействия по военной линии.

Визиту китайского военачальника предшествовал состоявшийся 9–10 мая в Вашингтоне третий раунд стратегического и экономического диалога двух стран, в рамках которого был впервые запланирован и проведен китайско-американский стратегический диалог по безопасности.

По итогам всего комплекса обсуждений был подписан документ, озаглавленный «Всесторонние рамки содействия мощному, продолжительному и сбалансированному росту экономики и экономическому сотрудничеству между Китаем и США». Главными темами переговоров стали курс юаня, военное сотрудничество и вопросы безопасности, а также права человека.

Стороны выразили стремление к дальнейшему расширению двусторонней торговли и инвестиций, борьбе против торгового и инвестиционного протекционизма. США заверили, что будут бдительны в отношении чрезмерно конъюнктурных обменных курсов, а Китай обязался продолжить поддерживать гибкий курс юаня. Одновременно он настаивал на необходимости плавного, а не единовременного реформирования мировой валютной системы.

Было также достигнуто соглашение о решении макроэкономических проблем, партнерстве в области финансовых систем, взаимодействии в сфере экологии, что очень важно с учетом масштабов экономик двух стран и объемов потребляемых ими ресурсов.

Стороны сочли важным уже сам факт состоявшегося диалога по безопасности между министрами обороны двух стран и решение о том, что их встречи в рамках стратегического диалога будут проходить отныне на регулярной основе.

Разногласия в области прав человека, как обычно, оказались самыми серьезными. США сообщили Китаю, что «в Вашингтоне имеют информацию о тех, кто был задержан или исчез» и высказали опасения, что этот вопрос оказывает влияние «на политику и стабильность Китая и региона в целом»²².

В своем выступлении в ходе диалога госсекретарь США Х. Клинтон подчеркнула, что «для поддержания отношений в позитивном русле США и КНР должны быть честными в плане разногласий и устранять их твердо и решительно». Тем не менее, она предпочла больше внимания уделить положительным аспектам отношений двух стран, отметив, что они вместе работают над расширением сфер сотрудничества и сокращением расхождений.

В числе «самых постоянных вызовов» она назвала Иран, КНДР и восстановление мировой экономики. Х. Клинтон сообщила также о создании новой американо-китайской «консультационной группы по вопросам Азиатско-Тихоокеанского региона», где у двух стран имеется широкий круг общих интересов и вызовов.

Оценивая итоги диалога, американская газета «Вашингтон пост» назвала достигнутые на нем договоренности «значительными вехами», позволившими «оставить в стороне продолжавшиеся в течение года трения»²³.

* * *

События в отношениях КНР и США на протяжении последних нескольких лет дают, как нам кажется, основания для следующих выводов.

В результате «проб и ошибок», совершавшихся обеими сторонами в течение первого десятилетия XXI века, им, по-видимому, удалось «нащупать» некую парадигму взаимного поведения, которая призвана удерживать их от перехода «граней допустимого» в отношении друг друга. На основании этого они рассчитывают при необходимости

договариваться о том, как «сообща мастерить в будущем лекало для последующей совместной перекройки мира».

Монополярный мир под эгидой США неприемлем для Китая, так же, как неприемлемы для него любые формы китайско-американского альянса, в котором Америке отводится главенствующее, а КНР вспомогательное, подчиненное место. Китай, как и США, всегда руководствовался исторически укоренившимся в национальном сознании постулатом предопределенности его роли как ведущей мировой цивилизации.

При этом и Китай, и США исходят из того, что их двусторонние отношения — «самые важные двусторонние отношения в мире» и играют определяющую роль, прежде всего, для глобальных процессов в сфере экономики и торговли.

В силу складывавшихся в мире обстоятельств экономики двух стран оказались переплетены настолько тесно, что лучшим стимулом для их конструктивного диалога являются как обоюдная выгода, так и взаимная боязнь ущерба в случае ухудшения взаимоотношений.

Дальнейшее сохранение зависимости КНР от экспорта и внешних инвестиций, однако, при определенных обстоятельствах может сыграть и негативную для нее роль, отрицательно повлияв на внутривнутриполитическую стабильность.

В то же время расширение рамок китайско-американского диалога увеличивает вероятность пересечения и столкновения сфер интересов двух стран. Между США и Китаем и теперь сохраняются серьезные разногласия, которые не позволяют им создать политический альянс.

Противоречия между ними затрагивают различные сферы взаимоотношений: политику, экономику, торговлю, экологию, военную и гуманитарную области, подходы к решению локальных, региональных и некоторых глобальных проблем.

Существенно укрепив позиции во всех стратегически значимых регионах мира, Китай сегодня фактически уже стал мировым политическим полюсом. Быстрый экономический рост заставляет его искать дополнительные источники технологических новаций, ресурсов и инвестиций и одновременно защищать свои интересы на этом поприще путем, в том числе, военного усиления.

Это не говорит, однако, о том, что он готовится к внешней экспансии и открытому конфликту с США. Хотя некоторые аналитики предрекают Китаю через несколько десятилетий статус глобальной супердержавы, нынешнему и следующему поколениям китайских руководителей, похоже, предстоит сосредоточиться, прежде всего, на решении стоящих перед страной серьезных внутренних проблем — экологических, климатических, социальных. Необходимо уже сегодня перенастраивать экономику с экстенсивного на интенсивный путь развития с переориентацией ее с экспортно ориентированной модели на модель внутреннего потребления.

Вот почему даже фундаментальные и трудно устранимые противоречия между КНР и США, такие, как идеологемные различия по проблемам демократии, прав человека или соперничество в сфере потребления энергоресурсов, скорее всего не спровоцируют острую конфронтацию между ними.

К самым застарелым, заостренным, но, как представляется, преодолимым относится несколько затененное в последнее время противоречие по тайваньскому вопросу, выступающему одновременно как часть комплексной проблемы соперничества США и Китая за влияние в Восточной и Северо-Восточной Азии. Пути решения тайваньской проблемы могут быть найдены, как нам кажется, на основе взаимных шагов сторон навстречу друг другу, нацеленных в первую очередь на разрядку напряженности в этих регионах с одновременным осуществлением определенных внутривнутриполитических коррекций как на материке, так и на острове.

Многое в решении двусторонних проблем между США и КНР будет зависеть от того, как сложится внутренняя ситуация в каждой из этих стран и какие силы окажутся в них «у руля» в ближайшие 5–10 лет.

Произойдет ли в Америке, как это часто случалось в прошлом, «откат» в направлении консервативного национализма как реакция на годы правления «почти левых» либералов? Увы, первые признаки такого «поворота» отмечаются уже сегодня.

И наконец, вступит ли усилившийся Китай, преодолев внутренние неурядицы и проблемы, на путь глобального доминирования или сохранит в качестве приоритетной цели стремление продолжать повышение благосостояния и жизненного уровня своего народа?

Ответив на эти вопросы, мы получим ответы и на многие другие.

1. <http://russian1.peopledaily.com.cn/31520/7394292.html>
2. <http://russian.people.com.cn/31520/6567940.html>, 06/01/2009.
3. <http://russian.people.com.cn/31521/6573014.html>, 13/01/2009.
4. <http://www.voanews.com/russian/2009-01-01.cfm>.
5. <http://russian.people.com.cn/31521/6565856.html>.
6. Financial Times, 14.01.2009, (<http://www.inosmi.ru/print/246645.html>).
7. <http://www.polit.nnov.ru/2009/01/26/usachina2wchi/>
8. <http://russian.people.com.cn/31520/6564984.html>.
9. Bloomberg. 2009. 22 febr. — <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=20670001&sid=apSqGtcNsqSY>.
10. The White House Press Office. Statement on Bilateral Meeting with President Hu of China. 1.04.2009. — <http://www.whitehouse.gov/>
11. См., например: Шицзе чжиши. 2009. № 22.
12. <http://russian.people.com.cn/31521/6817249.html>.
13. http://www.odnako.org/magazine/material/show_10971/
14. Для сравнения: внешний долг России по итогам 2010 г. составил около 483 млрд долл., т.е. примерно 3300 долл. на одного россиянина.
15. Согласно другим данным, правительство КНР в декабре 2010 г. держало в государственных облигациях США не 891 млрд долл., а 1,16 трлн долл. По сообщению Reuters, такое расхождение объясняется тем, что часть вложений Китай делал через зарубежных агентов, в первую очередь, в Великобритании (Lenta. RU. 2010. 2 mar.).
16. http://www.odnako.org/magazine/material/show_10974.
17. http://www.odnako.org/magazine/material/show_10971.
18. http://www.odnako.org/magazine/material/show_10973.
19. http://www.odnako.org/magazine/material/show_10930.
20. <http://russian.people.com.cn/31520/7268074.html>.
21. См. доклад Вэнь Цзябао «О работе правительства», представленный 4-ой сессии ВСНП 11-го созыва в марте 2011 г.
22. <http://www.rodon.org/polit-110520103909>
23. Ibid.